

ОТЗЫВ

о диссертации Солдатова Антона Анатольевича на тему: «Стефан Кеневич и польская историческая наука», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 – всеобщая история (новая и новейшая история)

Настоятельная необходимость изучения различных аспектов интеллектуальной истории в контексте эпохи существования Польской Народной Республики и периода утверждения Третьей Речи Посполитой в настоящее время обусловлена сложным, внутренне противоречивым отношением современных польских историков к коллегам по цеху, большая часть активной научной деятельности которых выпала на вторую половину предшествующего столетия. Что отрадно, эта необходимость во многом реализована в диссертации А.А. Солдатова, посвященной одному из видных польских историков XX века.

Научная актуальность предпринятого А.А. Солдатовым исследования творческого пути и научного наследия Стефана Кеневича, становление которого как историка происходило в межвоенной Польше, а зрелые годы научно-преподавательской деятельности были связаны с ПНР, не вызывает сомнений. Автор справедливо отмечает, что «диссертация помогает проследить развитие польско-советских научных отношений, в которых Кеневич сыграл не последнюю роль» (с.5). Значение и актуальность данной диссертации возрастает и с учетом того, что ранее такого рода комплексные изыскания не предпринимались ни в Польше, ни в России. Можно лишь приветствовать стремление диссертанта уйти от нередко встречающейся в современной польской историографии – применительно к характеристике историографии СССР или ПНР, дихотомии: «хорошая – плохая», «научная – ненаучная», поскольку «такие крайние позиции затрудняют адекватную оценку вклада историков в развитие науки» (с.5). Но при этом диссертант либо

не заметил, либо решил не акцентировать, казалось бы, напрашивающегося сопоставления этого современного, явно упрощенного, подхода к недавнему прошлому, и характерного для периода сталинизации подхода к настоящему, когда, как подчеркивает сам диссертант, «структура общества должна была соответствовать дихотомии: хорошие – плохие, друзья – враги» (с.71).

В диссертационном исследовании А.А. Солдатова привлечен значительный объем документальных (делопроизводственные материалы) и нарративных (личного происхождения, историографических и проч.) источников, а также обширная литература вопроса.

Целью своего диссертационного исследования А.А. Солдатов провозгласил «определение роли Стефана Кеневича в развитии польской исторической науки на основе всестороннего изучения процесса адаптации историка к меняющимся политическим условиям в Польше XX века» (с.8). Для достижения поставленной цели диссертант поставил перед собой ряд конкретных задач. Это, в частности, выявление разного рода факторов, оказавших воздействие на формирование мировоззрения ученого на разных этапах его жизни и деятельности, начиная с домашнего воспитания и образования под опекой семейного очага, до гимназического и университетского образования, а затем погружения в ученую среду межвоенной Польши и определения своего места в Польше послевоенной. Особую задачу диссертант видел в том, чтобы проанализировать процесс и характер трансформации теоретико-методологических взглядов Кеневича, происходившей в период «сталинизации и десталинизации науки», что особенно важно (как справедливо подчеркнуто диссертантом) «для понимания позднейшей концепции польских восстаний Кеневича и ее места в польской историографии (с.8).

Структура диссертации А.А. Солдатова, состоящей из введения, трех глав, заключения и библиографии, подчинена последовательному решению сформулированных им задач. В первой главе воссоздана семейная атмосфера,

в интеллектуальном контексте которой проходило становление будущего историка, который, по его собственному признанию, оказался единственным из четверых братьев, «предпочитающим чтение любому другому занятию, стрельбе или конной езде» (с.43-44). Но все-таки центр тяжести в этой главе лежит в той её части, где диссертант подвергает всестороннему анализу довоенное творчество Стефана Кеневича, начиная с первых его шагов в науке под руководством и воздействием Адама Скалковского, а впоследствии Марцели Хандельсмана, научившего его, по словам автора диссертации, «историческому ремеслу» (с.50). Здесь же, однако, проскальзывает несколько упрощенное понимание основных положений и принципов краковской исторической школы, приверженцев которой – как Адама Скалковского, отличало «пессимистическое видение истории» (с.48), неприемлемое «для тогда еще юного историка» (с.50). А.А. Солдатов, правда, оставил без комментария дальнейшее намерение Кеневича написать биографию одного из виднейших представителей Краковской исторической школы Михала Бобжиньского (с.58), – намерение, которое весьма затруднительно связать со спорным (либо неудачно выраженным) заявлением диссертанта, будто «после восстановления польской государственности идеи краковской школы потеряли актуальность» (с.48).

Вторая глава диссертации посвящена деятельности Стефана Кеневича и польской исторической науке 1945–1950-х годов (от сталинизации до «оттепели»). На данном этапе своей работы автор детально охарактеризовал происходившие в послевоенной Польше общественно-политические процессы, самым непосредственным образом отразившиеся на состоянии польского научного сообщества, которое (прежде всего, историки «старой школы») весьма болезненно переживало «реформирование польской науки», проходившее «под пристальным контролем СССР» (с.74). Что касается самого Стефана Кеневича, то по мере возможности он оставался верен себе. Как пишет здесь автор диссертации: «Полностью посвящая себя любимому

занятию, С. Кеневич мало обращал внимания на политические события, современником которых он был» (с.75). Впрочем, А.А. Солдатову не раз доводилось отмечать, что Кеневича всегда «интересовали только две сферы: академическая и религиозная. С этой мировоззренческой установкой историк прожил всю жизнь, посвятив себя науке и оставаясь глубоко верующим католиком, сторонившимся политики» (с.46, ср. с.88). Архивные разыскания и прочие материалы позволили диссертанту сделать в этой главе ряд весьма точных наблюдений, касающихся как научной деятельности Стефана Кеневича, так и положения польской исторической науки в целом.

Нельзя не согласиться, в частности, с тем, что «биография Кеневича является ярким примером сложности развития не только исторической науки в ПНР, но и общественно-политических и советско-польских отношений» (с.91). Принципиально важным следует считать авторское утверждение, что: «Перед С. Кеневичем не стоял выбор, поддерживать или нет установившуюся коммунистическую власть. Вопрос был в том, как в новых условиях проводить качественные исследования» (с.91). Поэтому, если и нельзя не считаться с фактом, что Кеневич решился на «переход к марксистской методологии» (с.88), нельзя также не принимать во внимание, как справедливо констатирует диссертант, что такое решение «было предопределено обстоятельствами, которые он принял с христианским смирением» (с.88).

Третья глава диссертации, судя уже по названию, «Стефан Кеневич на пути к историческому синтезу», в смысловом плане должна восприниматься как центральная. Однако содержание главы, скорее, свидетельствует, что заявленный в названии путь Кеневича к историческому синтезу нередко оказывается заслоненным – пусть не второстепенными, но, так сказать, разного рода сопутствующими вопросами и проблемами. Если не путь к историческому синтезу, то сам синтез зачастую приходится вычленять из весьма насыщенного, что безусловно похвально, текста. Справедливости ради следует сказать, что действительно было бы невозможно обойти вниманием

деятельное участие С. Кеневича в многолетнем совместном советско-польском издательском проекте, который был направлен на публикацию источников по Январскому восстанию. Кроме всего прочего, реализация проекта способствовала упрочению советско-польских научных контактов, и, в частности, неформальным отношениям, сложившимся между С. Кеневичем и В.А. Дьяковым и И.С. Миллером. Иными словами, данная глава во многом посвящена обстоятельствам работы Стефана Кеневича над историей польского восстания 1863 г. и, одновременно, обстоятельствам общественно-политического и научного характера, в которых эта работа проводилась.

Заявляя об оригинальном видении Кеневичем Январского восстания (с.131), и здесь же подчеркивая, что в своей монографии о восстании 1863 г. историк «представил новую концепцию польского движения, в которой объединил две интерпретации восстания: марксистскую и национально-патриотическую» (с.152), диссертант достаточно неожиданно указывает на следующие истоки этой новой концепции. Во всяком случае, на его взгляд, «в основе такой трактовки лежал жизненный опыт историка: несмотря на методологический поворот к марксизму, он вернулся к своему довоенному видению событий 1863 года» (с.152). Вольному воля: диссертант понимает это как смешение подходов, что, пожалуй, не совсем точно. Более основательным и глубоким выглядит итоговый вывод главы, по сути, венчающий всё плодотворное исследование А.А. Солдатова: «В случае Кеневича синтез, представленный в “Январском восстании” позволил историку остаться в стороне от главного для поляков исторического вопроса “борьба или примирение”» (с.153). В идеале этот тезис нуждается в развитии, конкретизации, помещения в определенный интеллектуальный контекст, но и сама по себе констатация заслуживает всяческого одобрения.

Вместе с тем, добротное исследование А.А. Солдатова не свободно от недостатков, к каковым следовало бы отнести не вполне корректные оценки профессиональных и человеческих качеств С. Кеневича, как их

сформулировал А.А. Солдатов в заключительной части своей диссертационной работы. Так, Кеневич излишне категорично назван «по характеру человеком скромным и нерешительным» (с.154), причем, лишь на том основании, что он «не стал вступать в конфликт с давившими на него партийными историками». Зато уже на следующей странице признается свойственная польскому ученому «приверженность принципу научности и здравому смыслу», что позволило ему «разработать собственную концепцию истории Январского восстания» (с.155), а исследователям, непременно надо добавить, позволяет как раз говорить о свойственной Стефану Кеневичу последовательности и решительности в постановке и реализации научно значимых задач.

Некоторое недоумение вызывает то, что, признав во введении диссертации «актуальность изучения интеллектуальной истории» (с.4), в дальнейшем А.А. Солдатов практически не развивает этот сюжет. Мотив интеллектуальной истории не нашел отражения и в положениях, выносимых на защиту. В то время, как значимость этого проблемного поля и очевидная его взаимосвязь с историографической сферой буквально диктует необходимость уточнения дефиниций того и другого. Тем более что (заметим в скобках) и сам Стефан Кеневич задумывался над тем, что «когда-то, может быть, займется Кеневичем историк историографии» (с.149)...

Однако высказанные замечания не меняют общего позитивного впечатления от диссертации и не умаляют высокой оценки проделанной А.А. Солдатовым работы. Помимо прочего, вынесенное на защиту диссертационное исследование свидетельствуют о перспективности и целесообразности продолжения детального и всестороннего изучения истории польской исторической мысли/ исторической науки в период существования Польской Народной Республики.

Содержание диссертационной работы А.А. Солдатова соответствует специальности 07.00.03 – всеобщая история (новая и новейшая история),

основные положения проведенного диссертационного исследования нашли адекватное отражение в автореферате и научных работах соискателя.

Диссертация «Стефан Кеневич и польская историческая наука» соответствует требованиям п. 9 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, а её автор Солдатов Антон Анатольевич заслуживает присуждения искомой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 – всеобщая история (новая и новейшая история).

Официальный оппонент,

доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры
истории славянских и балканских стран
Института истории
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный университет»

Лариса Михайловна Аржакова

199034, Россия, Санкт-Петербург,
Менделеевская линия, д. 5

e-mail: l.arzhakova@spbu.ru
тел.: +7 (812) 323-9447

14.01.2019

ЛИЧНУЮ ПОДПИСЬ

Артемовой С.М.
ЗАВЕРЯЮ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА
УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВ СПбГУ
Н. К. КОРЕЛЬСКАЯ